

*П.Ю. Уваров**

КАК РАБОТАЕТ СООБЩЕСТВО ИСТОРИКОВ (О КНИГЕ А.В. ГОРДОНА И ЕЕ ПЕЧАЛЬНЫХ ГЕРОЯХ)

Автор статьи анализирует книгу А.В. Гордона «Историки железного века». Исследование, посвященное судьбам советских исследователей Французской революции, их творчеству и их концепциям, рассматривается в качестве *case study*, позволяющего выявить скрытые механизмы функционирования профессионального сообщества историков. Важным моментом было выстраивание отношений с властью. В СССР, особенно на ранних этапах его существования, история Французской революции, считавшейся для советского опыта «революцией-прототипом», оказалась расположена слишком близко к ядру доминирующей идеологии. В особенности деликатной была проблема взаимоотношения лидеров якобинской диктатуры и «народа в лице активистов парижских «секций» и участников крестьянских «жакерий». Мастерство советского историка предполагало умение понимать «социальный заказ», который отнюдь не был постоянной величиной. Однако в большей степени авторитет и репутация историка определялись признанием коллег, тем более тех из них, кто занимал стратегически важные позиции в профессиональном сообществе историков. Оппозиция «свой-чужой» способствовала сплочению той или иной группы историков и была не менее важным элементом оценки коллег, чем их профессиональные достижения. Такие оппозиции могли иметь онтологическое обоснование, но чаще они являлись объектом конкурирующих интерпретаций. Одной из этих оппозиций было противопоставление «системосозидателей» и историков, опиравшихся в первую очередь на источники и эмпирический материал. Немаловажную роль во взаимных оценках историков играли и представления о деонтологии исторической профессии, о том, как надо писать историю. И, наконец, существенны были и литературные таланты исследователей, их способность к эмпатии. Сам А.В. Гордон такой способностью наделен вполне и герои его работы предстают

** Павел Юрьевич Уваров, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, руководитель Отдела западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени Института всеобщей истории РАН, профессор НИУ ВШЭ (Москва), ouprav@mail.ru*

Pavel Uvarov, Dr. Hab. (History), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of Department of Western Middle Ages and Early Modern Times, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Professor of National Research University Higher School of Economics (Moscow), ouprav@mail.ru

настолько живо, что уместно вспомнить термин *resurrection*, когда-то использовавшийся Жюлем Мишле.

Ключевые слова: Французская революция, советская историография, профессиональная деонтология историков, критерии взаимной оценки

Цитирование: Уваров П.Ю. Как работает сообщество историков (О книге А.В. Гордона и ее печальных героях). DOI 10.32608/0235-4349-2020-1-53-368-391 // Французский ежегодник. 2020. Т. 53. М.: ИВИ РАН, 2020. С. 368-391.

Поступила в редакцию 20.07.2020

Принята к печати 27.07.2020

Pavel Uvarov

**HOW THE COMMUNITY OF HISTORIANS WORKS
(ON THE BOOK BY A.V. GORDON
AND ITS SAD CHARACTERS)**

The author of the article analyses the book by A.V. Gordon “Historians of the iron age”. The research devoted to the fate of Soviet researchers of the French revolution, their work and their concepts is considered as a case study that allows to reveal the hidden mechanisms of functioning of the professional community of historians. An important task for them was to establish relationship with the authorities. In the USSR, especially at the early stages of its existence, the history of the French revolution, which was considered a “prototype revolution” for the Soviet experience, was located too close to the core of the dominant ideology. The problem of the relationship between the leaders of the Jacobin dictatorship and the “people” represented by the activists of the Parisian sections and participants in the peasant *jacqueries* was particularly sensitive. The professional skill of the Soviet historian presupposed the ability to understand the “social orde” which was not a constant quantity. However the authority and reputation of a historian were determined to a greater extent by the recognition of colleagues, especially by those who held strategic positions in the professional community of historians. The “friend foe” opposition permitted to unite a particular group of historians; it was no less important element in evaluating colleagues than their professional achievements. Such oppositions might have an ontological basis, but they were more often the object of competing interpretations. One of these

oppositions was the opposition of “system-builders” and historians, who relied primarily on sources and empirical material. The ideas about the deontology of the historical profession and about history-writing also played an important role in the mutual assessments of historians. Finally, the personal literary talents and empathy were also significant. A.V. Gordon himself is endowed with this ability of empathy, and the characters of his work appear so vividly that it is appropriate to recall the term *resurrection*, once used by Jules Michelet.

Keywords: French revolution, Soviet historiography, the professional ethics of historians, the criteria for mutual assessment.

For citation: Uvarov P.Yu. (2020). *Kak rabotayet soobshchestvo istorikov (O knige A.V. Gordona i eye pechalnykh geroyakh)* [How the community of historians works (On the book by A.V. Gordon and its sad characters)] DOI 10.32608/0235-4349-2020-1-53-368-391. *Annual of French Studies* 2020. Vol. 53. Moscow: IVI RAN, 2020. P. 368-391.

Submitted: 20.07.2020

Accepted: 27.07.2020

За рецензию на «Историков железного века» А.В. Гордона¹ я принимался дважды. В прошлом году готовил ее для одного престижного и высокорейтингового журнала. Тогда все казалось достаточно простым: книга посвящена судьбам историков, изучавших Французскую революцию и живших в период «железного», то есть советского века. Век с ними не церемонился и стремился прогнать под себя, коверкая творческие биографии и личные судьбы. Учитывая политико-стилистическую направленность журнала, драматургия рецензии не вызывала у меня особых сомнений, равно как и перспективы ее публикации. Хотелось лишь получше инкрустировать свой текст сочными деталями, которыми столь богата книга А.В. Гордона. Но взялся я за дело поздно, да еще и затянул работу, и обнаружилось, что сроки прошли, и рецензия не успевает встать в последний выпуск 2019 г., а отклики на книги двухлетней давности в этом журнале не печатаются. Ну, нет – так нет.

Получив любезное приглашение от руководства «Французского ежегодника» опубликовать эту рецензию, я охотно согласился. Снова снял с полки изрядно расчеркнутый карандашными помет-

¹ Гордон А.В. *Историки железного века*. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 448 с.

ками экземпляра, нашел черновик прошлогоднего текста и вдруг понял, что не могу ответить на простой вопрос – о чем эта книга?

Публикация ряда содержательных рецензий на нее², а также надежда, что многие уже успели прочитать саму книгу, избавляет от необходимости пересказывать ее содержание. Напомню лишь, что в девяти очерках даются историографические портреты десяти историков (раздел «Наполеон в советской историографии» посвящен двум советским исследователям – Е.В. Тарле и А.З. Манфреду).

Речь идет о довольно популярном сейчас жанре творческой реутилизации. Автор объединяет под одной обложкой в основном уже опубликованные ранее статьи, но они звучат по-новому как благодаря комментариям и дополнениям, так и новому сопровождению, или, как любил говорить Д.С. Лихачев, – «конвою»³. Этот термин, введенный Дмитрием Сергеевичем в текстологию, был ему, возможно, подсказан незабываемым опытом пребывания в Соловецком лагере особого назначения. Увы, слово это было не только метафорой в жизни и большинства героев книги А.В. Гордона.

Г.С. Фридлянд расстрелян, Я.В. Старосельский, В.Я. Захер и В.М. Далин отсидели почти по 20 лет, Е.В. Тарле и А.З. Манфред пережили аресты, следствие, ссылку, травлю. Но и судьбы остальных героев книги тоже трагичны, каждая по-своему. Не добился признания в Академии наук Б.Ф. Поршнев, перед смертью узнавший, что набор его книги, которую он считал главной в жизни, рассыпан. В конце своей научной биографии был «выбракован» Системой В.С. Алексеев-Попов, который и раньше не ладил с университетским начальством. Почетный гражданин Ульяновска С.Л. Сытин в последние годы своей жизни разорвал отношения со всеми коллегами-франковедами, оставшись в одиночестве. И даже рассказ об успешном, обаятельном и жизнелюбивом А.В. Адо пронизан сильнейшей минорной тональностью, способной вызвать слезы. В чем же причина? Мы попытаемся ответить на этот

² *Блументау С.Ф.* Раздумья над книгой А.В. Гордона «Историки железного века» // НиНИ. 2019. № 6. С. 19–31; *Крих С.Б.* Испытание временем. Рец. на кн.: Гордон А.В. Историки железного века. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив. 2018. 448 с. // Россия и современный мир. 2019. № 3. С. 237–244; *Дунаева Ю.В.* Рец. на кн.: Гордон А.В. Историки железного века. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 448 с. (Humanitas) // Отечественная и зарубежная литература: Реферативный журнал. Сер. 5: История. 2019. № 2. С. 11–18.

³ *Лихачев Д.С.* Понятие «конвоя» в текстологических исследованиях памятников древнерусской литературы // Древний мир. Сборник статей академику Василию Васильевичу Струве. М., 1962. С. 646–650.

вопрос позже, а пока вернемся к размышлениям о предмете исследования А.В. Гордона.

Его книга – не о Французской революции. И не совсем об изучении Французской революции в советской историографии. Об этом у автора есть другое исследование⁴. Это – книга о судьбах концепций и людей. Люди составляли один круг, почти все они были лично знакомы, более или менее симпатизировали друг другу, но друг с другом спорили, принадлежали к разным школам, иногда – к разным течениям мысли. Общим у них была горячая любовь к Французской революции, именуемой то «Великой», то «Буржуазной», то снова «Великой».

Когда речь идет о книге, которая состоит из историографических очерков, то полезно бывает найти реперную точку, позволяющую соотносить героев друг с другом, а затем провести через эту точку ось, чтобы строить вокруг нее дальнейшее повествование. Например, для А.В. Чудинова таким репером при рассмотрении авторов начала XX в. было их отношение к сентябрьским убийствам 1792 г. Одни историки умалчивали о них, другие клеймили как непростительное преступление⁵. Для А.В. Гордона осью сравнения служит взаимоотношение между вождями якобинской диктатуры и Парижской коммуной с ее «секциями», превратившимися в революционные комитеты, где доминировали радикалы – «бешеные», «эбертисты» и прочие. Менее одного года – с весны 1793 до весны 1794 г. – эти две силы то поддерживали друг друга, то конкурировали, то враждовали, пока один за другим не сгинули в тюрьме или под ножом гильотины вожди санкюлотов: Жак Ру, Жак-Рене Эбер, Анаксагор Шометт.

В этом отрезке времени оказалась сконцентрирована важнейшая оппозиция – «якобинцы и народ». В зависимости от своей концепции (каждая из которых не была чем-то фиксированным, но постоянно эволюционировала) герои книги Гордона говорили кто о «якобинцах против народа», кто о «якобинцах с народом», кто о мелкобуржуазной диктатуре, кто о «революционно-демократической» диктатуре или о «политическом блоке», кто о плебсе и «мелкой буржуазии», кто о «предпролетариате». Спорили о том, были ли «секции», провозглашавшие эгалитаристскую экономическую программу, революционны (выступая против частной собственно-

⁴ Гордон А.В. Великая французская революция в советской историографии. М., 2009.

⁵ Чудинов А.В. Французская революция: история и мифы. М., 2007. С. 18-22.

сти) или же реакционны (выступая против буржуазных, то есть на тот момент прогрессивных преобразований)? Что в большей степени подходило под определение государства нового типа – народоправство «снизу» в виде парижских «секций» и их комитетов или органы якобинской диктатуры? Взгляды Гракха Бабёфа выросли из программ «бешеных» или из идей якобинцев? А ведь бабувизм на правах утопического коммунизма проходил по разряду наивысших идейных достижений революции, поэтому ставки в этой полемике оказывались весьма высоки. К основному вопросу подверстывались остальные: кто был более верным интерпретатором политических идей Руссо – якобинцы или их радикальные «друзья/враги»? Каковы были взаимоотношения участников многочисленных сельских «жакерий» и якобинской власти? Что означала реализация «аграрной программы» якобинцев для народа?

Трудно не заметить, что героев книги скорее интересовала борьба монтаньяров с левыми, чем с правыми оппонентами, будь то роялисты, жирондисты, «снисходительные» и прочие враги, подлинные или мнимые.

Это во многом объясняется особенностью научной биографии самого А.В. Гордона. Он был любимым учеником Я.М. Захера, который вслед за князем П.А. Кропоткиным пристально изучал «народную составляющую» революции, представленную активистами парижских «секций» (дипломная работа автора была посвящена падению эбертистов). Но руководителем его кандидатской диссертации стал А.З. Манфред, убежденный сторонник якобинской диктатуры. Для Манфреда и для его соратника В.М. Далина противники Робеспьера были чуть ли не личными врагами и не могли считаться «прогрессивными деятелями».

В этих разночтениях, конечно, присутствовал элемент личных пристрастий, но автор видит в них также и стилистическую разницу историографических эпох. Коллизия эта была подобна смене советских архитектурных стилей⁶, когда послереволюционный русский авангард, признанный за границей, с 1932 г. стремительно уступает место сталинскому ампиру. Если судить по состоянию исторической науки, 20-е и самое начало 30-х гг. XX в. были временем не только еще не остывшего революционного энтузиазма, но и относительно мирного сосуществования разных традиций и школ, – эпохой, когда отечественная наука еще оставалась

⁶ Паперный В.З. Культура Два. М., 1996.

связанной с наукой западной⁷. В условиях победившего «высокого стиля» железный занавес опустился. В науке истина уже могла быть только одна. Было бы упрощением считать, что, например, Я.М. Захер был апологетом революционного творчества масс, а В.М. Далин и А.З. Манфред – поборниками якобинской диктатуры. Яков Михайлович, ученик Н.И. Кареева, вернувшийся в науку лишь в середине 1950-х гг., выглядел каким-то анахронизмом, допуская наличие равноправных точек зрения как в прошлом, так и в настоящем, и продолжал охотно записывать в единомышленники «прогрессивных» западных коллег, тогда как московские корифеи относились к подобной открытости крайне сдержанно.

При этом А.В. Гордон далек от всякого схематизма. Его герои – хорошие историки, каждый со своим пониманием профессиональной чести. Добросовестная работа с источниками, непредвзятое к ним отношение, напряженный интеллектуальный поиск могли менять позиции историков вне зависимости от «стилей эпохи», от идеологизированных концепций и догматической индоктринации. В.С. Алексеев-Попов, убежденный марксист, склонный к теоретизированию и построению схем, углубившись в исторический материал, уже не мог отступить назад. «Я теперь исхожу не из мысли Маркса, а из фактов истории революции, чтобы показать, что отражением борьбы масс было политически оформленное демократическое движение представителей других слоев... Чем я теперь увлечен, это ощущение необходимости целостно – по месяцам показать, каковы были различные проявления сталкивающихся тенденций внутри антиабсолютистского лагеря, нащупать и показать это не только в плоскости чисто политической, но в наибольшей полноте жизненных проявлений – пресса, публицистика, клубы, театр, – пишет он Я.М. Захеру в 1962 г. – Я сознаю, что взвалил на себя огромную тяжесть, но только так мне сейчас интересно думать, собирать материал и хочется писать»⁸. Спустя десять лет другой провинциальный историк, не менее строгий концептуалист С.Л. Сытин, писал уже самому А.В. Гордону: «Кажется, влез в самую глубину вопроса, многое находит рациональное объяснение. И... почва полностью уходит из-под ног. Оказывается, что

⁷ К чести В.А. Гордона надо сказать, что он вовсе не настроен курить фимиам «восстановлению истории» после 1934 г. Предшествующий период – время РАНИОНА, Комкакадемии, Института красной профессуры – был во многом более плодотворным для исторической науки, чем последующая эпоха.

⁸ Гордон А.В. Историки железного века. С. 331.

то, в чем виделся фундамент, гранит науки – воздушный шарик, полная неопределенность... Сейчас вынужден поднимать всю гору литературы, связанной с генезисом капитализма»⁹. Далее А.В. Гордон подчеркивает, что работа С.Л. Сытина над историей движения «бешеных» выявляла особую, городскую («секционную») природу их активности. Впрочем, ульяновский историк предлагал именовать своих героев менее одиозно – «рьяными».

Я не знаю, как звучал бы термин «рьяные» в обратном переводе на французский язык у С.Л. Сытина. Первое значение, которое дает русско-французский словарь – «les zélés». Но именно так именовали активистов Парижской лиги 1585–1594 гг., связанных с радикально настроенными представителями 16 парижских кварталов. Я до сих пор не понимаю, как при такой высокой концентрации интереса к истории Парижской коммуны 1793–1794 гг. (да и 1871 г.), никто не обратил внимания на удивительную повторяемость сценариев парижских народных движений. Или же об этом просто не принято было говорить?

Тридцать пять лет назад я заинтересовался этим вопросом применительно к Парижу XIV – конца XVI в. Зарубежные библиотечные фонды тогда были недоступны, и я продолжал свои поиски в Ленинграде. В Отделе Полиграфии РНБ (тогда в просторечии именуемой «Публичкой») мне удалось отыскать статью, посвященную Парижу во время Лиги общественного блага (1465 г.). Статья, опубликованная в 1948 г. в Петрозаводске¹⁰, оказалась для меня чрезвычайно важной, восполнявшей недостающее звено в цепочке моих рассуждений. Но я ничего не знал об авторе. Мне неожиданно помогли сотрудницы Отдела. Выяснилось, что автор – Сусанна Марковна Маневич, ученица А.Д. Люблинской, преподавала в Петрозаводске, стала заниматься историей Парижской коммуны, а потом до недавнего времени работала как раз в Отделе Полиграфии. Мне даже дали ее телефон. В тот же вечер я позвонил, высказав благодарность за статью. Моя собеседница удивилась, но запоздалый комплимент ей был приятен. И тогда я спросил, не обращала ли она внимание на некоторую повторяемость сценария народных движений в Париже XV–XVI вв. и в столь хорошо ей

⁹ Там же. С. 356.

¹⁰ Маневич С.М. Париж во время войны «Лиги общественного блага» // Ученые записки Карело-финского государственного университета. 1948. Т. 2. Вып. 1. К сожалению, я не могу восстановить страницы этой статьи. Издание не оцифровано, а специально поехать в РНБ всё как-то не получается.

знакомых событиях 1871 г. Не случайно противники Парижской коммуны характеризовали ее как возврат к средневековым формам. Последовала пауза, после которой Сусанна Марковна ответила: «Да, я думала на эту тему. Но будьте осторожны, молчите об этом. Вы еще молоды и не представляете, насколько это может оказаться опасным».

Я понял, о чем идет речь. Если Французская революция считалась прототипом революции Октябрьской, то Парижская коммуна – прототипом самого социалистического государства. Намек на средневековые корни «государства нового типа» мог дорого стоить историку. Сусанна Марковна, начавшая свою деятельность в эпоху высокого сталинского стиля, продолжала интуитивно ощущать опасность даже тогда, в 1985 г.

Страх. Эта эмоция занимает немалое место в книге А.В. Гордона. В прошлом году я даже придумал хлесткое название для неудавшейся рецензии «У каждого историка на люстре висит своя анаконда». Автор любит использовать образ американского китаиста Пери Линка, иллюстрирующий судьбы творческой интеллигенции при деспотических режимах, – «анаконда на люстре»¹¹. Рептилия эта была постоянным спутником большинства тех, о ком пишет А.В. Гордон. Кроме шести уже известных нам героев его очерков, среди франковедов, так или иначе упомянутых в его книге, – были репрессированы Николай Михайлович Лукин, Софья Андреевна Лотте, Фаина Ароновна Хейфиц, Соломон Давидович Кунисский. К ним можно отнести и Сергея Михайловича Моносова, покончившего с собой в разгар обрушившейся на него «проработки», и Константина Павловича Добровольского, которого от неминуемого ареста спасла смертельная болезнь. О страхе, как важнейшем элементе в конструкции здания советской исторической науки, написано уже очень много, в том числе и А.В. Гордоном, поэтому повторяться не имеет смысла. Но можно ли сказать, что глаз анаконды следил за специалистами по Французской революции пристальнее, чем за другими их коллегами по цеху?

Понятно, что исследователей Новейшей истории и, особенно, истории СССР пострадало еще больше¹², но если сравнивать, на-

¹¹ *Link P.* China: The Anaconda in the Chandelier // *The New York Review of Books*. 2002. April 11. Цит. по: *Гордон А.В.* Историки железного века. С. 115.

¹² Только среди тех, кто фигурирует в именном указателе к книге А.В. Гордона, я «на-вскидку», без дополнительных изысканий, могу назвать жертв террора: Н.Н. Ванаг, Г.С. Зайдель, С.А. Пионтковский, Л.Г. Пригожин, Д.Б. Рязанов, Г.И. Серебрякова, М.М. Цвибак.

пример, с антиковедами или медиевистами, то печальное первенство будет за историками Французской революции. Что, впрочем, не удивительно. Изучение революции, которая продолжала считаться прототипом революции социалистической, требовало особой бдительности. Как писали в журнале «Историк-марксист» в юбилейном 1939 г., путаница по вопросу якобинской диктатуры объясняется «тем, что вредители, неплохо “потрудившиеся” на историческом фронте советской науки, сознательно извращали, искажали и запутывали решение исторических проблем..., некоторые из них даже выдавали отдельные работы буржуазных историков, например Матьеза, в качестве “ценнейшего вклада в марксистскую историю” Французской революции»¹³.

Быть заклеянным как «вредитель», «космополит» или «идеологический диверсант» – такая перспектива устрашала историков еще не один десяток лет после Большого террора. Это объясняет не вполне понятную современным коллегам нервозность и агрессивность историков в их, казалось бы, сугубо научных дискуссиях.

Однако в роли анаконды не всегда выступали «компетентные органы». Историк чаще видел на люстре не чекиста, а грозную в своей таинственности Власть. С ее вкусами он не мог не считаться. Вот только угадать ее желания и интенции – этим искусством владели немногие. Откровенная халтура и конъюнктурщина вовсе не обязательно приносили дивиденды и не гарантировали долговременного успеха. Талант, трудолюбие и мастерство, владение методом были важны, но сами по себе ничего не решали. Умение «наступать на горло собственной песне» было полезным, но и здесь можно было обидно просчитаться.

Чрезвычайно поучительна история успеха двух советских «Наполеонов».

Подозреваю, что не мне первому пришла в голову аналогия между Е.В. Тарле и М.А. Булгаковым. То же «несозвучие» их произведений доминирующей тональности эпохи, и там, и там – травля в центральной прессе, отчаянное письмо Сталину и неод-

¹³ Козлов Ф. К вопросу о якобинской диктатуре // Историк-марксист. 1939. № 3. С. 51. Личность автора вызывает споры. Возможно, речь идет о Ф.Ф. Козлове, заведующим кафедрой всеобщей истории Института красной профессуры. Но он был арестован в октябре 1937 г. (Артизов А.Н. Судьбы историков школы М.Н. Покровского (середина 1930-х годов) // ВИ. 1994. № 7. С. 38). Можно предположить, что он был выпущен к 1939 г. Его дальнейшая судьба неизвестна.

нозначный ответ на него. По-видимому, обоим авторам удалось затронуть какие-то интенции персонифицированной власти. Конечно, они писали не для того, чтобы угодить диктатору, они были мастерами, остававшимися верными себе. Тарле, представитель старой школы, оказался, неожиданно для самого себя, главным в поредевшем стане историков Французской революции. Да, в дальнейшем он корректировал свои тексты в более патриотическом духе. Но его «Наполеон» все равно остался шедевром.

А.З. Манфред обладал признанной способностью чувствовать «веяния времени», запросы власти и запросы общества. А.В. Гордон несколько раз вспоминает его любимое словечко «не модэ», означавшее, что публикация того или иного сочинения сейчас либо преждевременна, либо совсем невозможна. Но вот наступает момент, когда он говорит сам себе: «теперь можно», и удивительно быстро и легко пишет своего «Наполеона Бонапарта» – книгу, созвучную и эпохе, и чаяньям автора. А.В. Гордон вспоминает о ехидном замечании Б.Ф. Поршнева, что эта книга была рассчитана на успех. Борис Федорович поведал, как во время его экспедиции на Тянь-Шань, председатель колхоза, одетый в полувоенный френч со звездой Героя, задал вопрос: «А что, товарищи историки, нет ли чего новенького о Наполеоне?» Сейчас я бы не увидел в этом ничего обидного, но тогда, в конце 60-х гг., выступление Поршнева очень не понравилось коллегам, собравшимся на обсуждение книги. «Оттепель» закончилась, многие со страхом ждали ресталинизации, а после Тарле образ Наполеона прочно ассоциировался с запросами на сильную личность. Но герой книги Альберта Захаровича получился совсем иным, более человечным, некогда искренне увлеченным и революцией, и якобинцами, умевшим ценить своих соратников, уважавшим науку и ученых, дорожившим общением с Жозефиной и пережившим психологический слом, отказавшись от идеалов революции. Вот уж действительно: «два мира – два Шапиро», две эпохи – два Наполеона.

Существенным слагаемым успеха историка является, таким образом, способность уловить вектор «социального» заказа. Что сюда входит? Запросы власти? Да, особенно на ранних этапах советской исторической науки. Внимание со стороны власти было чревато опасностью, но оно было важным, и историки были готовы бороться за то, чтобы привлечь его к себе и тем самым актуализировать и легитимизировать свои занятия. Отсюда формула

А.З. Манфреда: «Стрелы, направленные против Французской революции XVIII века, целят дальше, – это стрелы и против Великой Октябрьской социалистической революции, могущественного Советского Союза...»¹⁴. Потому в обзоре современной «буржуазной» историографии важнее было отыскать не союзников, а новых, и потому особо изоциренных, противников. Историографическая полемика, таким образом, обретала статус идеологической борьбы, особо важной и ценной. Учитывался ли при этом интерес со стороны публики? Да, и с течением времени все больше и больше. Он не был главным в оценке успеха историка, но то, что книгу раскупали, и она издавалась большим тиражом, было приятно, хотя и не столь важно, как сегодня. Все-таки более существенной была оценка коллегами, историческим профессиональным сообществом. По большому счету, наши книги писались и пишутся в первую очередь для самих историков.

Тема «Историк и власть» имеет в книге А.В. Гордона не только и не столько «вертикальное», сколько «горизонтальное» измерение. Историки все время оценивают друг друга. Чаше эти оценки не индивидуальные, а коллективные, и многое в них зависит от противопоставления «свой–чужой». Таких оппозиций в очерках А.В. Гордона много. Это естественно, так строится любое историографическое описание. Важнее, что автор обычно тут же их оспаривает. Конфликт между наследниками «русской школы» и выходцами из Комакадемии был, но не он стал главным источником катастрофы российской исторической науки в 1930-х гг. Конфликт между историками Москвы и Ленинграда извечен, но сплошь и рядом линия водораздела проходит по другим принципам. Неизбывна оппозиция между провинциальными и столичными историками, не лишенными высокомерия, но она же снимается при наличии общих исследовательских интересов и искреннего участия таких коллег, как Я.М. Захер и сам А.В. Гордон.

Оппозиции могут иметь онтологическое обоснование, но чаще всего они являются объектом конкурирующих интерпретаций. Я.М. Захер, чьи заслуги признавали и историки старшего поколения, и зарубежные коллеги, вернувшись в университет, считал себя продолжателем традиции «русской школы», а в своем ученике А.В. Гордоне видел, таким образом, «научного внука» Николая Ива-

¹⁴ Манфред А.З. Некоторые тенденции зарубежной историографии // Он же. Великая французская революция. М., 1983. С. 419. Впервые эта статья была опубликована в журнале «Коммунист» (1977. № 10. С. 106-114).

новича Кареева. Он полагал, что продолжение углубленного, основанного на первоисточниках изучения Французской революции должно укрепить коллективную идентичность историков ленинградской школы – «своих» в противоположность «чужим», в первую очередь – Москве. Но в ЛГУ им. Жданова «чужим» оказался сам реабилитированный историк, и видеть у себя «второго Захера» кафедра категорически отказалась. Оказавшись в секторе московского Института истории, Гордон не чувствовал себя совсем «своим». При всем хорошем к нему отношении старшего поколения, в особенности В.М. Далина, он не захотел «стать якобинцем»¹⁵.

В знаменитом «казусе Ревуненкова» А.В. Чудинов видит некоторое историографическое недоразумение, одну за другой дезавуируя возможные интерпретации: московская школа против ленинградской, столица против провинции, антисемиты против евреев, сталинисты против антисталинистов¹⁶. Для А.В. Гордона же эта коллизия остается очень важной, и он неоднократно возвращается к ней в своих очерках. Разрастание этого конфликта пришлось на время защиты его кандидатской диссертации (1968). Он сам был генетически связан с Ленинградом и понимал, что не все нападки В.Г. Ревуненкова на московский якобиноцентризм были беспочвенны. И все же он делает выбор: Ревуненков для него «чужой». В данном случае водораздел прошел по линии профессионализма. Ленинградский заведующий кафедрой, выступив в роли «чужого», невольно объединил людей во многом разных. Основания поддержать Ревуненкова имелись у провинциальных историков С.Л. Сытина и В.С. Алексеева-Попова, тем более что последний в свое время и рекомендовал к публикации его книгу. Но в итоге (не без участия самого А.В. Гордона) они сошлись на своем общем несогласии с Ревуненковым. Их не устраивало его полное противопоставление якобинской диктатуры народу, но в еще большей степени – опора не столько на источники, сколько на цитаты классиков, отсутствие личного опыта многолетней специализированной работы по данной теме. В последующей переписке С.Л. Сытина и А.В. Гордона обоим возмутило, что в юбилейном сборнике в честь

¹⁵ Гордон А.В. Историки железного века. С. 296. Речь шла о симпозиуме 1970 г. по якобинской диктатуре. В тексте отчета о нем для журнала «Вопросы истории» А.В. Гордон отказался, как того хотел В.М. Далин, вставить заключительный пассаж о несогласии участников с позицией В.Г. Ревуненкова, считавшего якобинскую диктатуру не революционно-демократической, а буржуазной.

¹⁶ Чудинов А.В. История Французской революции: пути познания. М., 2017. С. 101–118.

В.Г. Ревуненкова статья о его вкладе в изучение Французской революции «написана... специалистом по истории Бразилии!»¹⁷ Однако Б.Н. Комиссаров – не просто отличный специалист по Бразилии, но и теоретик, предложивший оригинальную концепцию «новистики», автор немалого числа работ по историографии, иными словами, человек, вообще-то способный написать юбилейный очерк. Но «чужим» – каждое лыко в строку.

Итак, перед нами – важный механизм функционирования профессионального сообщества историков через оппозицию «свой–чужой». Доказательством может служить могучая фигура Б.Ф. Поршнева. Борис Федорович – «свой» для автора по многим причинам, и он защищает его от нападков, в особенности со стороны П.Ю. Уварова. И правильно делает, поскольку я упоминал о Поршневе в контексте повествования о медиевистах, для которых он настолько «чужой», что стал важным элементом конструирования корпоративной солидарности¹⁸. А.В. Гордон, оставив Поршнева, ссылается на Н.Е. Копосова¹⁹ и И.-М. Берсе²⁰. Но первый автор, хотя в одном из примечаний и называет Поршнева талантливым историком, пишет вовсе не о нем. Тогда, в начале 1990-х гг., статья в «Одиссее» дерзко замахнулась на «этос профессионализма», на стремление советских историков уйти от теоретизирования в спасительную узкопрофессиональную область²¹. Характеристику же книги Поршнева о народных восстаниях перед Фрондой, данную Ивом-Мари Берсе, только при очень большом желании можно интерпретировать в пользу советского исто-

¹⁷ Гордон А.В. Историки железного века. С. 356. Речь идет о статье: Комиссаров Б.Н. Проблемы Великой Французской революции в трудах В.Г. Ревуненкова // Советская и зарубежная историография Новой и Новейшей истории. Л., 1981. Вып. 6. С. 3–22.

¹⁸ Новые подробности конфликта, известные не по мемуарам, а по документам см.: Тихонов В.В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука: середина 1940-х – 1953 г. М.; СПб., 2016.

¹⁹ «К счастью, не все готовы присоединиться к мнению, что этот эффект [интерес к Поршневу во Франции] был «сродни славе ярмарочного монстра» (Гордон А.В. Историки железного века. С. 190). Слова про «монстра» – это мои слова, но к ним стоит сноска 73, отсылающая к статье: Копосов Н.Е. Советская историография, марксизм, тоталитаризм (К анализу ментальных основ историографии) // Одиссей. Человек в истории. 1992: Историк и время. М., 1994. С. 65. На самом деле Н.Е. Копосов упоминает Поршнева в сноске 14 на С. 68 этой статьи.

²⁰ Берсе И.-М. Размышления о том, как пишется история // ФЕ 2007. М., 2007. С. 29–33.

²¹ Характерно, что даже в «Одиссее», по тем временам самом инновационном историческом издании, статья Н.Е. Копосова вызвала взрыв негодования. Из опубликованных откликов три (А.Л. Ястребицкой, А.Б. Каплана и В. Вжозека) были сугубо негативными, четвертый (С.В. Оболенской) в целом также отрицательный, но хотя бы допускавшей возможность продолжения дискуссии.

рика. Бывший директор Школы хартий пишет, что посыл Поршнева интересен и спровоцировал плодотворную дискуссию, но его теория в высшей степени сомнительна, а обилие ошибок и неточностей совершенно непростительно. Чем не «ярмарочный монстр»?

О сущностных, а не о статусных претензиях отечественных медиевистов к изысканиям Б.Ф. Поршнева в области феодализма можно узнать из статьи И.С. Филиппова²², которому помимо прочего обидно, что по Поршневу во Франции судили обо всех наших историках. Впрочем, об этом же говорит и И.-М. Берсе: «...не могу обойти молчанием одну несправедливость, допущенную французскими исследователями: они знают, кто такой Поршнева, но не проявляют внимания к другим советским историкам. А между тем А.Д. Люблинская, более склонная к анализу фактов, нежели к построению теорий, тоже занималась историей XVII в. на основе изучения писем из фонда Сегье»²³.

Что касается самой Александры Дмитриевны, то она не раз повторяла, что не нашла в книге, удостоенной Сталинской премии, ни одной страницы без ошибки²⁴. А пятикурсники с кафедры Средних веков ЛГУ в 1950 г. написали остроумную пародию на способы обращения с источниками в книге московского историка²⁵. Как ученик Сигизмунда Натановича Валка А.В. Гордон хорошо знаком с локальной «бинарной оппозицией», популярной в Санкт-Петербурге и, как не трудно догадаться, не очень популярной в Москве. В городе на Неве любят подчеркивать различие петербургской и московской исторических школ: для первой характерно «критическое отношение к источникам», а для второй – «подчинение данных источников широким концептуальным построениям». Для этой мифологемы Борис Федорович оказался сущим кладом.

Медиевисты не во всем были правы, а Б.Ф. Поршнева – не во всем неправ. Системы, воздвигавшиеся Борисом Федоровичем, многих привлекали убедительностью и внутренней логикой, выступления его бывали чрезвычайно зажигательными, молодежь

²² Филиппов И.С. Б.Ф. Поршнева и политэкономия феодализма // ФЕ 2007. М., 2007. С. 87–129.

²³ Берсе И.-М. Указ. соч. С. 33.

²⁴ См. об этом в текущем номере ФЕ статью С.В. Кондратьева и Т.Н. Кондратьевой.

²⁵ Горфункель А.Х., Райцес В.И. Восстание в Клошмерле / Публ. и коммент. С.В. Кондратьева, Т.Н. Кондратьевой // Европа: Международный альманах. Тюмень, 2007. Вып. 7. С. 243–255.

находилась под обаянием его недюжинной личности²⁶. Но ведь конфликтный сценарий повторялся неоднократно. А.В. Гордон показывает, как в секторе Новой истории, во главе которого стоял Б.Ф. Поршнев, мэтры не приняли его руководящей идеи вписать новое коллективное издание о Французской революции в непривычно широкий для них контекст мировой истории. А фронт от Академии общественных наук почти совпал по времени с провалом на выборах в Академию наук СССР, что оказалось роковым для здоровья историка. Конечно, многое объясняет характер Бориса Федоровича, его страстность. Выражаясь его терминами, *суггестия* его была такова, что обычно порождала бурную *контр-суггестию*, в свою очередь вызывавшую *контр-контр-суггестию*. Профессор любил в кругу коллег петь «Мурку», искал на Тянь-Шане снежного человека, в Абхазии объяснял потомкам «лесной женщины» Заны, что их прародительница – палеоантроп. Но с этим можно было смириться, если бы не систематическое нарушение дисциплинарных конвенций. «Лисы», знающие немного о многом, в принципе как-то могут ужиться среди «ежей», знающих многое о немногом²⁷, особенно если они существуют в параллельных плоскостях. Но когда «лисы» становятся создателями систем, да еще и претендующих на универсальность, то «ежи» оцетиниваются.

Приведу пример, не относящийся к персонажам рецензируемой книги. Л.Н. Гумилев является, возможно, более успешным системосоздателем и нарушителем конвенций, чем Б.Ф. Поршнев. Во всяком случае, последнему пока не ставят памятники и не называют его именем университеты. Но упомяните при востоковедах книгу Льва Николаевича «Старобурятская живопись», как вам тут же насчитают десятки, а то и сотни грубых ошибок и мелких неточностей, допущенных автором в интерпретации буддийских икон, а на саму суть его концепции при этом внимания уже никто не обратит²⁸.

Судьба творцов систем драматична. Историк зависит от репутации, создаваемой в своем дисциплинарном сообществе. Если

²⁶ Мой отец, Ю.П. Уваров, в послевоенные годы слышал выступление Бориса Федоровича на филфаке МГУ и был в восторге от лектора. Мой друг, воронежский медиевист А.Г. Глебов, признался, что решил стать историком, прочитав «Борьбу за троглодитов» Б.Ф. Поршнева.

²⁷ См.: Берлин И. Еж и лиса // История Свободы. Россия. М., 2001. С. 183–286.

²⁸ Гумилев Л.Н. Старобурятская живопись: Исторические сюжеты в иконографии Агинского дацана. М., 1975.

он просто выходит за границы своей дисциплины, то в лучшем случае это воспринимается с удивлением, а в худшем создает ему репутацию чудака. Если же он, воспарив ввысь, решит, что в своей родной дисциплине теперь он видит гораздо дальше коллег, и предложит им играть по новым правилам, тогда его в лучшем случае проигнорируют, в худшем назовут шарлатаном. С точки зрения профессиональной акрибии он особо уязвим, и его обязательно на чем-нибудь поймают. Репутация знатока источников, если прежде и была у него, то на новых «делянках» уже не служит ему защитой. В советское время он мог бы ждать помощи со стороны властей, но самостоятельное теоретизирование ими воспринималось без энтузиазма. Выходом может стать включение такого мыслителя в иную дисциплинарную сеть, например, приобщение к миру других системосозидателей – сторонников теории модернизации, поборников Великой дивергенции, адептов клиометрии, энтузиастов мир-системного анализа. Иногда выручает шумный успех в области популяризации: сегодня мало кто предъявляет серьезные претензии к Ювалю Ной Харари, а вчера – к Джареду Даймонду. Да и у нас популярная форма дала возможность Игорю Можейко в книге «1185 (Восток-Запад)» сказать то, что не было бы ему позволено, возмись он защищать свою концепцию как диссертацию. Но наши системосозидатели редко обращались к популярному жанру. Не стремились они и к объединению усилий. Б.Ф. Поршнев и теоретик антропосоциогенеза Ю.И. Семенов отнеслись друг к другу прохладно. Автор шеститомной «Всемирной истории» Л.С. Васильев развивал концепцию, похожую на то, что писал в свое время Поршнев: «Силы прогресса сконцентрировались в Европе, силы реакции – в Азии»²⁹, но солидаризироваться с Борисом Федоровичем не спешил, равно как и с С.Н. Нефёдовым, автором концепции факторного анализа исторического процесса.

Даже если речь идет о системах не столь глобальных, признания добиться непросто. «Философствующий историк» В.С. Алексеев-Попов систематизировал идейные течения Просвещения, основываясь на науковедческих разработках. А.З. Манфред эту статью отверг как непонятную и слишком многослойную, уподобив попыткам правой рукой почесать левое ухо через затылок. Чем бо-

²⁹ Поршнев Б.Ф. Ледовое побоище и всемирная история // Доклады и сообщения исторического факультета МГУ. М., 1947. Вып. 5. С. 44.

лее глобальными проблемами задавался С.Л. Сытин, тем быстрее обрывались его связи с коллегами-франковедами.

Системосозидание – неблагодарная работа. Но как же иногда хочется ею заняться!

Вернемся к тому, как историки оценивают друг друга. Историки при этом не всегда руководствуются представлениями о том, кто «свой», а кто «чужой». Едва ли не в первую очередь учитывается источниковая база исследования и то, как историк с ней работает³⁰. Важными оказываются и личные представления о том, как нужно писать историю, и о том, что такое коллегиальность. В большом и, на мой взгляд, лучшем очерке А.В. Гордона в «Историках железного века», посвященном судьбе Я.М. Захера, особо выделяется эмоциональный рассказ о судьбе последней и главной книги в жизни историка. Вернувшись после лагерей и ссылки, он задумал переиздать свою старую книгу о «бешеных». И не просто переиздать, а учесть все новейшие историографические достижения, весь опыт своей скрупулезной работы с источниками. Однако издательская судьба рукописи оказалась тяжелой: на протяжении нескольких лет от автора требовали то сократить текст, то изменить целый ряд формулировок, то согласовать свою концепцию с господствующим на тот момент «официальным» взглядом на якобинцев. Книга вышла в сильно искаженном виде, хамское отношение редакции, постоянное нервное напряжение и материальные проблемы на фоне увольнения с кафедры ускорили уход Якова Михайловича из жизни. Это вполне вписывается в картину отношения историков «железного века» с властью.

Однако все не так просто. Выгода жанра «творческой реутилизации» в данном случае в том, что позволяет сопоставить этот текст с очерком об В.С. Алексееве-Попове. Историк из Одессы, причислявший себя к ленинградской школе, с большим пиететом относился к Я.М. Захеру, восхищался методами его работы. Именно к нему попала на издательскую рецензию книга о «бешеных». Рукопись Алексееву-Попову понравилась, но он был не согласен с противопоставлением «бешеных» якобинцам. С его точки зрения, речь должна была идти о блоке политических сил, неслиянных, но и нераздельных. Он очень тщательно работал над рукописью, по сути выполняя работу редактора, пытаясь сблизить позиции

³⁰ У самого А.В. Гордона, кстати, в этой книге прекрасные источники – материалы архивов Академии наук, семейный архив Я.М. Захера, богатейший личный архив самого автора.

Я.М. Захера и А.З. Манфреда. Как и Манфред, он считал, что у советских историков должна быть общая позиция. В письме Якову Михайловичу В.С. Алексеев-Попов выражал уверенность, что книгу переведут на многие языки. А раз так, то она должна отражать весь опыт советской историографии, и потому рецензент стремился вставить некоторые пассажи от себя. Он писал автору, что не хотел бы своими замечаниями испугать редакцию, однако вышло ровно наоборот.

Интересно, что столкновение взглядов двух историков на то, как писать историю, все же не привело к их разрыву, несмотря на печальную судьбу книги. Оба автора продолжали уважать друг друга за высокий профессионализм и научную позицию. Это бывает нечасто и свойственно только хорошим историкам.

Впрочем, А.В. Гордон и пишет именно о десяти хороших историках. На самом же деле их одиннадцать. Автор настолько интегрирован в эти очерки, что книгу можно считать опытом эго-истории.

Александр Владимирович Гордон – представитель петербургской школы историков. С аккуратной гордостью он вспоминает, как В.М. Далин назвал его «бенедиктинцем», тем самым уподобив парижским членам конгрегации Св. Мавра, отцам-основателям источниковедения. Автор ценит работу в коллективе единомышленников и увлеченно рассказывает об организации мозгового штурма, предпринятого совместно с коллегами из Одессы и Ульяновска для выработки общей позиции «по Ревуненкову». Автор остроумен, доброжелателен, корректен, ни о ком из своих героев он не пишет плохо, однако умело дает почувствовать все нюансы своих взаимоотношений с ними.

Даже если бы мы ничего не знали о дальнейшей научной судьбе Александра Владимировича, из отдельных его оговорок становится понятно, как он стал заниматься странами Третьего мира, как написал книгу по крестьяноведению и как это позволило ему иначе взглянуть на крестьянские движения периода Французской революции, выйдя из замкнутого круга политизированного классового подхода. Мы узнаем и о том, что его увлечение крестьянами в мировом масштабе, как и историей Китая, не всегда встречало понимание у коллег-франковедов³¹. То же можно сказать и о его

³¹ Несколько лет назад я стал соавтором книги по истории Китая в средневековом мире. История Поднебесной дала мне возможность по-новому взглянуть на события в Европе. Так получилась, что одновременно вышла и моя книга по истории Франции XVI в. Я мог дарить коллегам сразу оба издания. Франковеды порой вели себя странно. Когда я протяги-

книге, посвященной Францу Фанону, радикальному чернокожему мыслителю с Антильских островов. Весь этот научный багаж дает возможность А.В. Гордону лучше понять советских историков Французской революции. Опыт погружения в крестьяноведение помогает оценить эволюцию взглядов историков на аграрную политику якобинцев и на многочисленные «жакерии» того времени. Попытка проникнуть во внутренний мир Фанона показывает, насколько важна личность историка и как сложно, но при этом как важно, восстановить ее в максимально полном объеме.

Вернемся к вопросу, поставленному в самом начале. Отчего очерки получились такими грустными? Помимо шершавой длани эпохи, гладившей по голове в общем-то всех историков, особую роль играет предмет, которому герои книги посвятили творческую жизнь. История Французской революции оказалась расположена слишком близко к заповедному ядру государственной идеологии. Историки летели на свет революции, как мотыльки на лампу. Наблюдая за танцами чешуекрылых вокруг осветительного прибора, мы понимаем, что они страдают, обжигая крылья. Но мне кажется, что они будут страдать не меньше, когда кто-то выключит свет.

Историки старшего поколения во Французской революции видели зарю революции Мировой и грустили, когда поняли, что им не суждено дожить до ее торжества. Историки помоложе просто хотели стать хорошими специалистами³², но верили, что на их знания всегда будет спрос со стороны общества и государства. И грустили, увидев, что этот спрос исчез, а с ним исчезло и понимание их предназначения и места в социальной жизни.

Но есть еще одна причина минорной тональности. Это грустит сам А.В. Гордон, ведь все его герои умерли, а с большинством из них его связывали личные отношения. Автор пишет в основном о тех, с кем был знаком сам. С Г.С. Фридляндом и Я.В. Старосельским он разминулся во времени. Однако для него было вопросом принципа найти людей, которые знали этих историков. Ему важны были личные черты его героев, нужны для воссоздания их

вал им книгу по Китаю, некоторые отдергивали руку, как будто я подсовывал им жабу. Другие же улыбались и подмигивали, давая понять, что сочувствуют моей тяжелой судьбе, вынудившей так далеко уйти от «миллой Франции».

³² В книге воспроизведено свидетельство В.П. Смирнова (1929–2020), которого как-то раз Н.Е. Застенкер (1902–1977) спросил: «О чем вы мечтали, будучи студентом?» Тот растерялся и ответил, что хотел бы стать хорошим специалистом. «Как странно, как странно», – промолвил Наум Ефимович и добавил, что в молодости он мечтал о мировой революции (Гордон А.В. Историки железного века. С. 424).

образа. Например, широкая спина трудоголика Фридлянда, который склонился над столом, вечно заваленным книгами, или изящный костюм заядлого театралы Старосельского. Детали помогают воссоздать портрет историка лучше, чем длинные аналитические пассажи. Сколь многое, например, может объяснить в различии двух советских книг о Наполеоне тот факт, что Тарле был поклонником Достоевского, а Манфред – Тургенева!

В любом случае, автор соперничает своим героям и оттого портреты историков железного века оживают на страницах его книги. Для А.В. Гордона критерием мастерства историка является не только его концепция, знание источников и новейшей литературы, но и умение писать так, чтобы герои представляли перед читателем живыми. Но способность к эмпатии не всем дана в равной мере, и не все историки могут реализовать ее в своих работах.

Сам автор этим умением владеет в совершенстве. Порой он употребляет слово «вчувствование». *Einfühlung* – термин из немецкого неокантианства, популярного в Санкт-Петербурге начала XX в. А.В. Гордон – не только «научный внук» Н.И. Кареева, но и через С.Н. Валка – «внук» С.А. Лаппо-Данилевского, который требовал «признания чужой одушевленности». Другой представитель петербургской школы Серебряного века писал о работе историка: «Мы познаем человека не путем простого собирания сведений и наблюдений о нем... Во время этого собирания... мы *вдруг*, внезапно и неожиданно постигаем своеобразное существо человека, его личность.... Определить, передать словами схваченное нами “нечто” мы не в силах. Мы можем только подвести другого к познанию его с помощью жеста или описания нашего опыта, а познает ли другой или нет, от нас не зависит. Но наш опыт – тем самым, что мы уловили нечто, уже безмерно расширился»³³. Сказанное вполне могло бы относиться к «Историкам железного века».

Но все-таки трудно не заметить глубокой симпатии автора к французской романтической школе. Поэтому я несколько не удивился, узнав, что Александр Владимирович обратился к творчеству Жюль Мишле. Великий представитель французского романтизма, столь нелюбимый историками последующего сциентистского направления, оказывается очень близок автору. Мне вспоминается рассказ Мишле о том, как в национальных архивах под шелест хартий он наблюдает воскрешение мертвецов.

³³ Карсавин Л.П. Философия истории. СПб., 1993. С. 65.

Воскрешение, Resurrection – это если не цель, то, уж точно, средство написания и познания истории. Не у всех получается. У А.В. Гордона получилось.

REFERENCES

- Артизов А.Н.* Судьбы историков школы М.Н. Покровского (середина 1930-х годов) // Вопросы истории. 1994. № 7. С. 34–48 [Artizov A.N. Sud'by istorikov shkoly M.N. Pokrovskogo (seredina 1930-h godov) // Voprosy istorii. 1994. № 7. S. 34–48].
- Берлин И.* Еж и лиса // История Свободы. Россия. Москва: Новое литературное обозрение, 2001. С. 183–286 [Berlin I. Ezh i lisa // Istorija Svobody. Rossiya. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2001. S. 183–286].
- Берсе И.-М.* Размышления о том, как пишется история // Французский ежегодник 2007: Советская и французская историографии в зеркальном отражении. 20-е 80-е годы XX в. М.: КомКнига, 2007. С. 29–33. [Berse I.-M. Razmyshlenija o tom, kak pishetsja istorija // Francuzskij ezhegodnik 2007: Sovetskaya i frantsuzskaya istoriografii v zerkalnom otrazhenii. 20-e 80-e gody KhKh v. M.: KomKniga, 2007. S. 29–33].
- Блуменау С.Ф.* Раздумья над книгой А.В. Гордона «Историки железного века» // Новая и новейшая история. 2019. № 6. С. 19–31. [Blumenau S.F. Razdum'ja nad knigoj A.V. Gordona «Istoriki zheleznogo veka» // Novaja i novejšaja istorija. 2019. № 6. S. 19–31].
- Гордон А.В.* Великая французская революция в советской историографии. Москва: Наука, 2009 [Gordon A.V. Velikaja francuzskaja revoljucija v sovetskoj istoriografii. Moskva: Nauka, 2009].
- Гордон А.В.* Историки железного века. Москва; Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2018. [Gordon A.V. Istoriki zheleznogo veka. Moskva; Sankt-Peterburg: Centr gumanitarnyh inicitiv, 2018].
- Горфункель А.Х., Райцес В.И.* Восстание в Клошмерле / Публ. и коммент. С.В. Кондратьева, Т.Н. Кондратьевой // Европа: Международный альманах. Тюмень, 2007. Вып. 7. С. 243–255. [Gorfunkel A.Kh., Raytses V.I. Vosstanie v Kloshmerle / Publ. i komment. S.V. Kondratieva, T.N. Kondratievoj // Evropa: Mezhdunarodnyj al'manakh. Tjumen', 2007. Vyp. 7. S. 243–255].
- Гумилев Л.Н.* Старобурятская живопись: Исторические сюжеты в иконографии Агинского дацана. Москва: Искусство, 1975

- [Gumilev L.N. Staroburjatskaja zhivopis': Istoricheskie sjuzhety v ikonografii Aginskogo datsana. Moskva: Iskusstvo, 1975].
- Дунаева Ю.В.* Рец. на кн.: Гордон А.В. Историки железного века. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 448 с. (Humanitas) // Отечественная и зарубежная литература: Реферативный журнал. Сер. 5: История. 2019. № 2. С. 11–18 [Dunaeva Ju.V. Rec. na kn.: Gordon A.V. Istoriki zheleznogo veka. M.; SPb.: Centr gumanitarnyh iniciativ, 2018. 448 s. (Humanitas) // Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura: Referativnyj zhurnal. Ser. 5: Istorija. 2019. № 2. S. 11–18].
- Карсавин Л.П.* Философия истории. Санкт-Петербург: Комплект, 1993. [Karsavin L.P. Filosofija istorii. Sankt-Peterburg: Komplekt, 1993].
- Козлов Ф.* К вопросу о якобинской диктатуре // Историк-марксист. 1939. № 3. С. 46–71 [Kozlov F. K voprosu o jakobinskoj diktature // Istorik-marksist. 1939. № 3. S. 46–71].
- Комиссаров Б.Н.* Проблемы Великой Французской революции в трудах В.Г. Ревуненкова // Советская и зарубежная историография Новой и Новейшей истории. 1981. Вып. 6. С. 3–22 [Komissarov B.N. Problemy Velikoj Francuzskoj revoljucii v trudah V.G. Revunenкова // Sovetskaja i zarubezhnaja istoriografija Novoj i Novejshej istorii. 1981. Vyp. 6. S. 3–22].
- Копосов Н.Е.* Советская историография, марксизм, тоталитаризм (К анализу ментальных основ историографии) // Одиссей. Человек в истории. 1992: Историк и время. М.: Наука, 1994. С. 51–68 [Koposov N.E. Sovetskaja istoriografija, marksizm, totalitarizm (K analizu mental'nyh osnov istoriografii) // Odissej. Chelovek v istorii. 1992: Istorik i vremja. M.: Nauka, 1994. S. 51–68].
- Крих С.Б.* Испытание временем. Рец. на: Гордон А.В. Историки железного века. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив. 2018. 448 с. // Россия и современный мир. 2019. № 3. С. 237–244 [Krikh S.B. Ispytanie vremenem. Rec. na: Gordon A.V. Istoriki zheleznogo veka. M.; SPb.: Centr gumanitarnyh iniciativ. 2018. 448 s. // Rossija i sovremennyj mir. 2019. № 3. S. 237–244].
- Лихачев Д.С.* Понятие «конвоя» в текстологических исследованиях памятников древнерусской литературы // Древний мир. Сборник статей академику Василию Васильевичу Струве. Москва: Издательство восточной литературы, 1962. С. 646–650 [Likhachev D.S. Ponjatie «konvoja» v tekstologicheskikh issledovanijah pamjatnikov drevnerusskoj literatury // Drevnij mir.

- Sbornik statej akademiku Vasiliju Vasilievichu Struve. Moskva: Izdatel'stvo vostochnoj literatury, 1962. S. 646–650].
- Маневич С.М.* Париж во время войны «Лиги общественного блага» // Ученые записки Карело-финского государственного университета. 1948. Т. 2. Вып. 1 [Manevich S.M. Parizh vo vremja vojny «Ligi obshhestvennogo blaga» // Uchenye zapiski Karelo-finskogo gosudarstvennogo universiteta. 1948. T. 2. Vyp. 1].
- Манфред А.З.* Некоторые тенденции зарубежной историографии // Он же. Великая французская революция. М.: Наука, 1983. С. 412–422 [Manfred A.Z. Nekotorye tendencii zarubezhnoj istoriografii // Idem. Velikaja francuzskaja revoljucija. M.: Nauka, 1983. S. 412–422].
- Паперный В.З.* Культура Два. М.: Новое литературное обозрение, 1996 [Papernyj V.Z. Kul'tura Dva. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 1996].
- Поршнев Б.Ф.* Ледовое побоище и всемирная история // Доклады и сообщения исторического факультета МГУ. М.: Издательство МГУ, 1947. Вып. 5 [Porshnev B.F. Ledovoe poboishhe i vseirnaja istorija // Doklady i soobshhenija istoricheskogo fakul'teta MGU. M.: Izdatel'stvo MGU, 1947. Vyp. 5].
- Тихонов В.В.* Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука: середина 1940-х – 1953 г. М.; Санкт-Петербург: Нестор-История, 2016 [Tikhonov V.V. Ideologicheskie kampanii «pozdнего stalinizma» i sovetskaja istoricheskaja nauka: seredina 1940-h – 1953 g. M.; Sankt-Peterburg: Nestor-Istorija, 2016].
- Филиппов И.С.* Б.Ф. Поршнев и политэкономия феодализма // Французский ежегодник 2007: Советская и французская историографии в зеркальном отражении. 20-е – 80-е годы XX в. М.: КомКнига, 2007. С. 87–129 [Filippov I.S. B.F. Porshnev i politjekonomija feodalizma // Francuzskij ezhegodnik 2007: Sovetskaya i frantsuzskaya istoriografii v zerkalnom otrazhenii. 20-e 80-e gody XX v. M.: KomKniga, 2007. S. 87–129].
- Чудинов А.В.* История Французской революции: пути познания. М.: РОССПЭН, 2017 [Tchoudinov A.V. Istorija Francuzskoj revoljucii: puti poznanija. M.: ROSSPEN, 2017].
- Чудинов А.В.* Французская революция: история и мифы. М.: Наука, 2007 [Tchoudinov A.V. Francuzskaja revoljucija: istorija i mify. M.: Nauka, 2007].